Только у нас

Ф.В. Булгарин
Карикатура Н.А. Степанова

помещались маленькие каюты офицеров, а посредине насквозь проходила бизань-мачта, замаскированная круглым диваном. В кают-компании стоял длинный стол, какие бывают в классах, со скамьями. На нем офицеры обедают и занимаются. Была еще кушетка и более ничего. В офицерской каюте, которую ему тоже показали, было только место для постели, для комода, который служил столом, и для стула. Платье висело на перегородке, белье лежало на полках.

Во время завтрака, состоявшего из холодной закуски, секретарю пояснили, почему не дается горячее: на борт фрегата грузится 800 пудов пороха, и в такое время никто не смеет зажигать огонь. К вечеру в кают-компании за ужином собрались офицеры, свободные от вахты, Иван Александрович перезнакомился со всеми и сразу стал себя чувствовать как дома. Его приятно удивило, что за ужином на столе стоял всего один графин хереса, из которого только двое выпили по рюмке, а остальные после ужина и чая закурили сигары. Кстати, вскоре офицеры договорились не подавать вина к ужину, а сэкономленные деньги приложить к сумме, определенной на библиотеку.

Итак, 7 октября 1852 года «Паллада» снялась с якоря и, гонимая бурным и холодным ветром, пошла на запад по Финскому заливу. Миновали остров Готланд, с его неприступными каменными боками, затем и Борнгольм, который Николай Карамзин называл милым в своей романтической повести («Остров Борнгольм»). «Все было холодно и мрачно, - отметил в дневнике Иван Александрович. - На фрегате открылась холера (кто-то заболел ею в Кронштадте. - **Ж.Т.**), и мы, дойдя только до Дании, похоронили троих людей, да один смелый матрос сорвался в бурную погоду в море и утонул. Таково было наше обручение с морем...

Но дни шли своим чередом и жизнь на корабле тоже. Отправляли службу, обедали, ужинали - все по свистку, и даже по свистку веселились. Обед - это тоже своего рода авральная работа. В батарейной палубе привешиваются большие чашки, называемые «баками», куда накладывается кушанье из одного общего или «братского» котла. Дают одно блюдо: щи с солониной, с рыбой, с говядиной или кашицу; на ужин то же, иногда кашу». Однажды, вооружившись деревянной ложкой, Иван Александрович попробовал щи из общего котла и нашел их «превкусными». «А много ли вы едите? - спросил Гончаров обедающих матросов, и те дружно ответили: «До отвала, ваше высокоблагородие».

Осталась в памяти романиста и картина веселья по свистку: «Там, где собрано в тесную кучу четыреста (точнее - около пятисот. - **Ж.Т.**) человек, и самое веселье подчинено общему порядку. После обеда, по окончании работ, особенно в воскресенье, обыкновенно раздается команда: «Свистать песенников наверх!» И начинается веселье». Оно происходило даже тогда, когда холодный туман покрывал небо и море. Пляшущие были молчаливы, выражения лиц хранили важность, даже угрюмость, но усердно работали ногами. Зрители вокруг, с тою же угрюмою важностью, пристально смотрели на них. Пляска имела вид напряженного труда. Плясали, кажется, лишь по сознанию, что сегодня праздник... Но если б отменили удовольствие, они были бы недовольны»[12].

[12] *Там же. С. 28.*

(Продолжение в следующей «толстушке»)

Гончаров. Поиски и находки

(Продолжение. Начало в «УП» № 10 от 31 января, № 25 от 13 марта, № 34 от 3 апреля)

Трудные годы в Петербурге

Жорес Трофимов

У Ивана Александровича, возвратившегося после четырехмесячного отпуска из Симбирска в Петербург на службу в Министерстве финансов, несколько недель ушло на решение накопившихся неотложных дел и составление годовых отчетов. Тем не менее к началу декабря он, согласно списку, составленному сестрой Сашей в Хухореве, приобрел материю (люстрин, кашемир, шерсть и т.п.), часть которой просил вручить в качестве его новогоднего подарка Варваре Лукиничне. А каким уважением к этой девушке проникнуты строки сопроводительной записки к сестре: «Адресую письмо на Варвару Лукиничну, да она и отвечать не ленива: пишет живей любого секретаря и лучше всех наших литераторов, в том числе и меня»[1]. Трогательная забота о ней проявилась и в конце записки: «С Нового года будете получать опять «Современник». Это мой тоже подарок Варваре Лукиничне: ей же дарю старые, прошлогодние журналы».

Не оставил писатель без подарка и Михаила Максимовича, мужа сестры, и выслал ему две небольшие статуэтки из папье-маше. Одна из статуэток, отличаясь большим сходством и тонко схваченными комическими чертами, в дружески шаржированном виде изображала И.А. Гончарова, как говорится в музейной описи, «в рост, в зеленом сюртуке, на четырехугольной подставке», а другая, без «ног и подставки», - печально известного литератора Фаддея Булгарина. Зять поблагодарил писателя за оригинальный подарок и в ответном письме приложил даже деньги за него.

Иван Александрович пожурил его за деньги и пообещал прислать новые статуэтки - Нестора Кукольника и Владимира Соллогуба. А затем разразился саркастической тирадой по адресу Фаддея: «Булгарина вышла тоже другая статуэтка: старая свинья разворчалась за свое безобразие, как будто художник виноват, и начала блевать на него хулу из своего подлого болота - «Северной пчелы» - что-де все труды художника никуда не годятся, да и дорого их продает и т.п. Художник переделал его, и он тотчас же начал толковать, что художник очень хороший и статуэтка продается как нельзя дешевле. Фу ты мерзавец какой!». В заключение писатель подчеркнул, что в прежней карикатуре Булгарина художник как нельзя лучше схватил редкое его свойство - «походить наружно и на человека, и вместе на свинью», и попросил беречь статуэтку Булгарина как одно из лучших произведений художника. К счастью, обе статуэтки - Гончарова и Булгарина - сохранились и ныне экспонируются в Ульяновском музее И.А. Гончарова[2].

Иван Александрович не упомянул в письме к Кирмалову имени художника, но прекрасно знал, что им был Николай Александрович Степанов, воспитанник Московского университета (товарищ по учебе поэта-симбирянина Д.П. Ознобишина). Наверняка

[1] *Самарская газета, 1901. № 199.*
[2] *Трофимов Ж. Береги эту статуэтку. - Мономах. 2008, № 8. С. 34 - 35.*

он предвидел, восклицает Иван Александрович, вспоминая этот эпизод, со временем я сделаю пять кампаний - да еще вокруг света!». В преддверии дальних странствий он с радостью предвкушает: «Я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю ногой на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса, и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений. Я обновился: все мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мне».

В последний вечер перед отплытием Иван Александрович вместе с Аполлоном Майковым, Владимиром Далем и Григорием Данилевским был на вечере у Норова, где знакомый ему со студенческой поры знаменитый актер Малого театра Михаил Щепкин читал гоголевские «Театральный разъезд» и Развязку «Ревизора». Но веселая обстановка вечера по возвращении домой сменилась грустными размышлениями... О настроении, с которым Гончаров отправлялся в путешествие, он рассказал впоследствии: «Странное, однако, чувство одолело меня, когда решено было, что я еду; тогда только сознание о громадности предприятия заговорило полно и отчетливо. Радужные мечты побледнели надолго; подвиг подавлял воображение, силы ослабевали, нервы падали по мере того, как наступал час отъезда. Я начал завидовать участи остающихся, радовался, когда являлось препятствие, и сам раздувал затруднения, искал предлогов остаться... Я был жертвой внутренней борьбы, волнений, почти изнемогал, «Куда это? Что я затеял?» и на лицах других мне страшно было читать эти вопросы. Участие пугало меня.

Я с тоской смотрел, как пустела моя квартира, как из нее понесли мебель, письменный стол, покойное кресло, диван. Покинуть все это, променять на что? Жизнь моя как-то раздвоилась, - продолжал он, словно исповедуясь, - или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я - скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах, с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом я - новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть, с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, государства. Там я - редактор докладов, отношений и предписаний; здесь - певец, хотя по обязанности, похода. Как пережить эту другую жизнь, сделаться гражданином другого мира? Как заменить робость чиновника и апатию русского литератора энергиею мореходца, изнеженность горожанина - загрубелостью матроса?»[9].

На следующий день после памятного вечера у Норова, 25 сентября 1852 года, фрегат «Паллада», провожаемый начальством, родственниками и близкими знакомыми членов экспедиции, был полностью готов к отплытию. Юния Дмитриевна Ефремова, в которую Иван Александрович влюбился еще студентом Московского университета, а теперь был крестным отцом ее сына, по-свойски трижды его поцеловала. А некогда известный поэт, а теперь чиновник с генеральским чином Владимир Бенедиктов, вручил ему стихотворение «И.А. Гончарову (перед кругосветным его путешествием)» с теплыми пожеланиями:

Лети! И что внушит тебе природа
Тех чудных стран, - на пользу и добро,
Пусть передаст, в честь русского народа,
Нам твой рассказ и славное перо!
Прости! Вернись и живо и здорово
В суровые приневские края,
И радостно обнимут Гончарова
И Майковы, и все его друзья.

Однако судьба будто задалась целью испытать романиста на прочность: в Кронштадте выяснилось, что еще не все сделано для долгого плавания, и романисту трижды пришлось возвращаться в Петербург, чтобы, по его словам, «еще провести день там, где провел лет семнадцать». «Увижу ли я опять эти главы и кресты?» - прощался я мысленно, отваливая в четвертый и последний раз от Английской набережной». На этот раз - это было 5 или 6 октября - поездка оказалась последней.

[9] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 2. М., 1978. С. 14.*

дая в других те семена, которые насадил в Вас мудрый опыт и умные, благородные, многочисленные наставники; нет сомнения, что Вы заключите Ваше поприще и достойным концом. Нельзя было лучше, достойнее употребить данного Вам ума, красоты и воспитания. Я теперь не вижу Вас, но вполне убежден, что с наступлением как этого года, так и следующих за ним лет Вашей жизни Вы не только по-прежнему будете составлять радость и утешение окружающим Вас вообще и наслаждение некоторых избранных в особенности, но всегда и всюду, где ни явитесь, станете приобретать новых друзей и почитателей и распространите круг Вашей деятельности со временем так, что будете разливать Ваши достоинства на целые массы. Не могу не упомянуть и о том, с каким смирением, с какою детской покорностью, с какою доверчивостью и, можно сказать, милой слепотой, несмотря на Ваш собственный ум, выслушиваете Вы добрые, умные и прекрасные советы опытных, благородных людей, которые, заметив в Вас добрые порывы, усердно помогали Вам идти по избранному Вами поприщу; потом как мило и как тепло умели всегда благодарить и награждать их за советы, делая из них себе друзей навсегда.

Варвара Лукинична Лукьянова (1827 - после 1893) - гувернантка детей А.А. Кирмаловой

Ангел Ваш, конечно, радуется на небесах о приносимых Вами жертвах чистоты служения, которому Вы обрекли себя, отрешась от суетных желаний, мутных и тупых страстей, радуется младенческой непорочности Вашего сердца, благородству Ваших намерений и поступков, ясности Ваших прекрасных и безмятежных дней; веселится чистотой Вашей души как вместилищем самых возвышенных женских чувств... Я осмелюсь смиренно пожелать Вам преуспевать на том пути, по которому Вы идете с таким умом, с такою женскою прозорливостию, с твердостью и весельем.

Конечно, Вы и в молитвах Ваших не забываете упоминать имена добрых наставников и друзей: благодарное сердце Ваше мне в том порукой; не забудьте же и меня, грешного, если только когда-нибудь в сердце Вашем тлелась хоть искра дружбы ко мне. *Поймите* и оцените чувства, внушившие мне это приветствие»[3].

Варвара Лукинична поняла и оценила не только чувства, но и желания и намерения автора этого сердечного письма. И, конечно, была в душе благодарна Ивану Александровичу за то внимание, которое он уделял ей в Симбирске и Хухореве и продолжает оказывать и год спустя, находясь в Петербурге, и за то, что вел себя как джентльмен, не унижая ни себя, ни ее игрой во флирт. Однако миф о его существовании, введенный в литературу Гавриилом Потаниным, использовал даже Юрий Лощиц. В своей книге «Гончаров» этот опытный писатель счел возможным в сцену расставания писателя с матушкой и со всеми домашними ввести такой эпизод: «Варвара Лукинична, не сумев в тот прощальный миг скрыть чувства своего к Ивану Александровичу, будто бы разрыдалась и при всех кинулась к нему на шею с криком: «Ваня, Ваня!»[4]. В действительности, как мы знаем из письма романиста, сестра его с гувернанткой в это время уже находились в Хухореве, где и он, возвращаясь в Петербург, проездом остановится на несколько дней.

Время от времени Иван Александрович поддерживал связь с обитателями Хухорева не только по почте, но и с оказией. Одна из них случилась зимой 1851-го, когда в столи-

[3] *Рукописный фонд Пушкинского дома.*
[4] *Лощиц Ю. Гончаров. М., 1977. С. 101.*